

КЛАРА БЛЮМ

Пастух и Ткачиха

Москва

> МАГИСТРАЛЪ >

КЛАРА БЛЮМ

Пастух и Ткачиха

Москва

УДК 821.112.2-31(510)
ББК 84(5Кит)-44
Б71

Klara Blum

DER HIRTE UND DIE WEBERIN
(Herausgegeben und mit einem Essay von Julia Franck)

© Aufbau Verlage GmbH & Co. KG, Berlin 2023
(Published with Die Andere Bibliothek; «Die Andere Bibliothek»
is a trademark of Aufbau Verlag GmbH & Co. KG)

Перевод с немецкого *Дарьи Сорокиной*
Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Блюм, Клара.
Б71 Пастух и Ткачиха / Клара Блюм ; [перевод с немецкого Д. С. Сорокиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199489-1

Клара Блюм родилась в Австрии. В 31 год она получила советское гражданство, а после Второй мировой войны уехала жить в Китай. Роман «Пастух и Ткачиха» написан в жанре автофикшн.

Пастух и Ткачиха — персонажи старинной китайской легенды. Нью-Ланг и Дше-Ню любят друг друга, но между ними протекает Млечный Путь. Только раз в год они могут встретиться и провести время вместе.

В Москве Ханна знакомится с китайским театральным режиссером. Между ними вспыхивают чувства, но счастье оказывается недолгим. Нью-Ланга по партийной линии отправляют обратно в Китай вершить революцию. Ханна рвется к любимому. Ее не останавливает ни война, ни бюрократическая волокита, ни бедность, ведь она его Дше-Ню. Китай встречает Ханну новыми трудностями и испытаниями. Все говорят, что Нью-Ланг умер, но Дше-Ню верит, что они еще встретятся.

УДК 821.112.2-31(510)
ББК 84(5Кит)-44

© Сорокина Д. С., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-199489-1

ЧАСТЬ I

МЕЧТАТЕЛЬ ИЗ ШАНХАЯ

ГЛАВА I

«Ню дше-дсо джи юн...»

На сцене стояли три девочки. Правая, в светло-голубом шелковом платье, была утренней звездой. Левая, в темно-синем платье — вечерней. А средняя, вся в сверкающем серебре, изображала Млечный Путь. Высоким, невыразительным голоском она пела:

Дева ткала тонкие облака...

В театре Нань-син показывали древнюю легенду, адаптированную для сцены по давним канонам и поставленную по традициям театрального искусства. Сюжет, смысл и характеры персонажей до неузнаваемости затирались хореографией, цветовыми эффектами, акробатикой и символизмом.

Нью-Ланга и Дше-Ню — Пастуха и Ткачиху, пару созвездий и мифических влюбленных — играли знаменитые актеры. В зрительном зале сидели сановитые чиновники и даже иностранцы. Они ничего не понимали, но их невольно увлекало обилие ярких экзотических образов.

На звездном фоне появился излишне стилизованный ткацкий станок. Перед ним ритмично двигалось изысканное существо, которое начертило несколько знаков, а потом искусно запело:

*Мы с тобою всего лишь пешки
Во власти старых богов.*

— Да, — сказал молодой китаец, сидевший с товарищем в пятом ряду. — Пешки — точнее не скажешь! Может, пойдём, Кай-Мэнь? Это становится невыносимо.

Фу Кай-Мэнь не выказал ни удивления, ни возмущения, и последовал за приятелем с заметной готовностью, не удостоив даже взглядом очаровательную картину на сцене: юноша, наряженный златоперым петухом, символом мужского начала Инь, танцевал с девушкой, у которой на голове была серебристо-белая длинноухая меховая шапка лунной зайчихи, символа женского начала Ян. Актер выполнял акробатические прыжки с такой восхитительной грацией, что казалось, будто он и в самом деле летает.

— Меня очень удивило, — сказал Фу Кай-Мэнь, когда они вышли на улицу, — что ты вдруг захотел снова взглянуть на традиционную пестроту, монотонную декламацию и прыжки. Зачем? Потому что тебя самого зовут Нью-Ланг?

— Мое скромное имя с этим почти не связано, — ответил Чанг Нью-Ланг. — Легенда о двух созвездиях привлекает многих людей. Даже удивительно, какие идеи посещают наших крестьян в печальные ночи, когда они фантазируют о ночном небе и рисуют картины из звезд. И отвратительно, как официальный

театр искажает и опошляет простые и глубокие крестьянские сказки.

Они шли по широкой, шумной улице Эдуарда VII. Стоял теплый летний вечер 1929 года.

Чанг Нью-Ланг был в традиционном длинном китайском костюме — неприметного темно-синего цвета, но из дорогого шелка. Высокий и стройный, с тонкими чертами лица, миндалевидными раскосыми глазами и испытующей складкой у рта — складкой мягкого упорства.

Маленький и щуплый Фу Кай-Мэнь, напротив, был одет по-европейски, но не слишком элегантно, а в плосконосом лице читалась сухая ирония.

— Тебя это удивляет? — спросил он. — Что нашему официальному искусству вообще известно о живых китайцах? Оно предпочитает не знать ничего. Тем более о Байцзясин.

Его лицо стало серьезным, а в голосе послышалась политическая помпезность, когда он произнес эти три слога. Их буквальный перевод — «сто старых фамилий», сотня китайских фамилий, которые особенно часто встречаются в огромной нации — как Мюллер или Шульц, Хинц или Кунц в Германии, так в каждой хижине и на каждом углу попадают Сюй или Фу, Ванг или Чанг, Чен или Ли. Но в Байцзясин, китайских Хинцах и Кунцах, нет ни малейшего оттенка уничижения. А лишь чувство чести и самоуверенность маленького человека: «Мы — уважаемые люди из народа! Мы — весь Китай! Мы — почтенные сто фамилий!»

— Нужно создать новый театр, — размышлял Нью-Ланг. — Театр современного Китая.

— Боюсь, у народа есть дела поважнее, — сухо заметил Кай-Мэнь.

— Важно все, — упорствовал Нью-Ланг. — Прошел всего год с тех пор, как мы открыли вечернюю школу. Разве с каждым днем не приходит все больше людей? Разве они не учатся с возрастающим рвением?

Они дошли до реки Ванг-Пу и двинулись вдоль берега. Дом Нью-Ланга находился в противоположной стороне, но он предпочитал возвращаться домой как можно позднее.

— Должен признаться, — сказал Кай-Мэнь, — сначала я был настроен весьма скептически. Думал, люди в лучшем случае станут учиться читать и писать для учета товаров, но не верил, что кого-то заинтересуют история и социология, литература и иностранные языки. Типичные шанхайцы материалистичны и жадны до предела — уровень их морали гораздо ниже рабочих или крестьян.

— Будь снисходительнее, — улыбнулся Нью-Ланг, — мы с тобой тоже работаем в торговле.

— Ну, ты прежде всего наследник шелковой компании Чангов.

— Тем хуже для моей морали.

— Кстати, почему ты не участвуешь в делах отца?

— Думаю, почтенный не желает, чтобы я видел, как он относится к своим людям. Кроме того, ему очень нравится, что я веду корреспонденцию у Фонтене. — Голос Нью-Ланга ожесточился от сдерживаемого гнева. — Для китайца ведь великая честь, если его сын работает на иностранца, верно?

— К тому же это обеспечивает хорошую протекцию на таможне, — добавил Кай-Мэнь.

— Но возвращаясь к нашей школе — у нас учатся не только торговцы. Есть и рабочий.

— Да, Ванг Бо-Ченг.

— Ого! Ты его заметил?

— Как можно не заметить столь энергичного человека?

— Как он учится! — воскликнул Нью-Ланг. — Я вообще недостойн его учить, я, самоучка. Этот грузчик достоин самого известного профессора. Как он учится! Хотел бы я, чтобы когда-нибудь мой сынишка учился так же.

— Уверен, так оно и будет. Малыш Тьен-То — прекрасный ребенок.

— Ты преувеличиваешь, — ответил Нью-Ланг, застенчиво хихикнув. — Впрочем, Ми-Цзинг — отличная мать, и несомненно даст ему образцовое воспитание.

— И красивая женщина, — напомнил Кай-Мэнь.

— Да, — устало сказал Нью-Ланг, — она была и остается красивой, гордой и воспитанной госпожой Танг — дочерью одной из первых семей Пекина.

— Она не только урожденная госпожа Танг, но и замужняя госпожа Чанг, уже семь лет.

— Да. Но за эти семь лет она назвала меня по имени всего один раз, ты представляешь? Она избегала обращаться ко мне напрямую целых шесть лет, пока не родился ребенок. А теперь — теперь она просто говорит: отец Тьен-То! И ведь нельзя сказать, что она неправа. В конце концов, она вышла за меня исключительно по приказу родителей — и я женился по той же причине.

— Мне кажется, ты недооцениваешь Ми-Цзинг. Она не бросила в беде Цзай-Юнь, хотя Танги обрекли девушку на гибель.

— Цзай-Юнь, вообще-то, ее сестра.

— Лишь сводная сестра и дочь наложницы.

Нью-Ланг давно догадался, что его друг тайно влюблен в двадцатидвухлетнюю активистку за права женщин, веселую и привлекательную. Он не признавался и отпирался от всех расспросов. Но Нью-Ланг знал — он всегда рад что-нибудь про нее услышать.

— Мать Цзай-Юнь, — сказал он, — была красивой девушкой простого происхождения. Кажется, дочерью чистильщика обуви. Довольно скоро бедная наложница заметила, что хозяин от нее устал. У моего почтенного тестя их было еще штук восемь. Он мог себе позволить.

Они вышли на центральную улицу, которую метафорически называли улицей цветов и ив. А не метафорически — улицей борделей.

— Наложница ждала родов, — продолжил Нью-Ланг. — Ты знаешь дом Тангов в Пекине, с золотисто-сиреневыми драконами у ворот. Огромный, от улицы Тжи-Чуа-Мень до переулка Шао-Цсю. В этом великолепном здании будущей матери выделили какую-то каморку — ни окна, ни кровати. И прямо там, на полу, она родила не мальчика, как втайне робко надеялась, а всего лишь девочку. Так исчезла последняя надежда на улучшение ее положения в семье Танг. Стоял теплый летний вечер. Через открытую дверь она увидела мою свекровь, которая вела за руку четырехлетнюю Ми-Цзинг. Она позвала их и слабым голосом попросила прислать служанку. Но хозяйка

лишь отмахнулась. Они ожидали гостей, и все слуги были заняты.

— И они еще называют себя китайцами! — процедил сквозь зубы Кай-Мэнь.

— Богачи — не китайцы, — заявил Нью-Ланг. — Богачи — отдельная нация.

— Но есть исключения, — сухо добавил Кай-Мэнь.

— Хорошо, есть исключения. Бедная дочь чистильщика обуви кормила ребенка грудью, пока тот не заснул. Потом поднялась из последних сил, расправила на поцарапанном столе старый шелковый халат, забытый кем-то на гвозде, и запеленала голого ребенка, чтобы тот спокойно спал в нежном вечернем тепле. Темнело. Уродливая комната погружалась в глазах у бедняжки во все более плотную тьму, и лишь расплывчато сияло темно-золотистое детское тельце. Тогда она начала представлять будущий характер дочери, которая сможет возвыситься надо всем злым и уродливым, будет парить высоко надо всеми, кто презирает ее мать, и затмит их своим великолепием. И поэтому она назвала ребенка Цзай-Юнь, Сияющее Облако.

Фу Кай-Мэнь долго молчал, и Нью-Ланг отнесся к его молчанию с уважением. Теперь они оказались в бедном квартале Хонкью, где находился продуктовый магазин старого Фу. Здесь же, на углу улицы Кунг-Пинг, стоял серый двухэтажный дом их делового приятеля, где они арендовали несколько комнат для вечерней школы.

«Осенью попробую устроить спектакль, — подумал Нью-Ланг. — В большой зал влезет человек двести».

Кай-Мэнь жил в нескольких улицах оттуда, за отцовским магазином на Уорд-роуд — с родителями, братьями, сестрами и женой, дочерью окрестного торговца скобяными изделиями. Ему, как и Нью-Лангу, еще не исполнилось двадцати и женился он исключительно по велению семьи. Нью-Ланг решил проводить друга до дома. Возможно, теперь он все же захочет поведать о своей любви к Цзай-Юнь. Впрочем, вероятнее всего — нет.

— Нынче мы стали слишком поддаваться эмоциям, — вдруг выпалил Кай-Мэнь. Не слишком логично, но Нью-Ланг уловил связь.

— Но это абсолютно естественная реакция, — возразил он. — Конфуцианство достаточно долго затыкало нам рот. Послушание, самообладание, приличия, снова приличия и снова самообладание. Стало уже просто невозможно терпеть. Разве мы не почувствовали облегчения, когда появился перевод «Вертера» Гете, потому что наконец увидели пример юноши, не подчинившего свою страсть этикету?

— Прошло уже два года с тех пор, как профсоюзы одержали в Шанхае верх, — приглушенно сказал Кай-Мэнь. — Мы верили, что не сегодня завтра освободимся от пришлых кровопийц, верили, что революция достигла своей цели. А в итоге нас предали и побили дубинками. Тебе не кажется унижительным предаваться еще и любовным страданиям?

— Наш народ говорит: в малом видно большое, — возразил Нью-Ланг.

— Наш молодой писатель, — продолжил Кай-Мэнь, и в его голосе снова зазвучала горькая ирония, — неистово предается страстям. — И процити-

ровал: — «Знаний не желаю, только славы. Мне бы только найти женщину, красивую или уродливую, но с пылким и наполненным сердцем...»

— Что-то в этом есть, — заметил Нью-Ланг.

— Конечно, — улыбнулся Кай-Мэнь. А еще я знаю молодого человека из хорошей семьи, который написал стихотворение в классическом стиле Ле-Ссе:

*Нью-Лангом меня назвали родители,
Любовь моя скрыта в звездной обители,
В поисках счастья меж звезд я гляжу,
Но скорби земные лишь нахожу.
Ты, Ткачиха, сияешь в небесной мгле,
Великолепная, нежная, светлая,
Но знаю: настанет та ночь заветная,
Я встречу тебя наконец на Земле.*

— Да, Кай-Мэнь, но я написал еще одно Ле-Ссе:

*Нью-Лангом меня назвали родители,
Но имени смысла они не увидели:
Я — часть народа, пасет он и ткет,
Землю копает, железо кует.
Пот и кровь мастеров, пастухов и крестьян
Шелковый мир моих предков питали.
Но шелковый мир меня мыслить заставил,
И пытаюсь исправить этот изъян.*

Они дошли до дверей дома Кай-Мэня. И, словно устав от долгого разговора, безмолвно разошлись.

ГЛАВА 2

Осенью попробую, подумал Нью-Ланг. Возможно, следует начать с иностранной пьесы? Чехов? Или Гоголь? Я бы предпочел китайскую революционную

пьесу, но тогда мы привлечем внимание полиции еще до премьеры. Или возможно...?

— Куда господин хочет поехать?

Сбитый с мысли Нью-Ланг посмотрел в измученное лицо рикши, чья вопросительная улыбка открыла ряд гнилых зубов, но все равно казалась удивительно обаятельной. Недавно, на уроке истории, Нью-Ланг рассказывал про опиумную войну и описывал, как Великобритания с помощью военного насилия принудила Китай покупать губительные наркотики. Тогда у Ванг Бо-Ченга появилась такая же ухмылка с черными дырами вместо зубов и выражением нерушимого ума:

— А что об опиумной войне говорили английские миссионеры?

— Сколько до Альби-Лу? — рассеянно спросил Нью-Ланг, погружившись в воспоминания.

Возница назвал относительно высокую цену. У Нью-Ланга было достаточно денег, чтобы без колебаний согласиться, но он знал — тогда бедолагу замучают сожаления, что он не попросил больше. Поэтому он немного поторговался и залез.

Вцепившись руками в оглобли двухколесной телеги, худая фигура побежала вперед. Бежал он до странности бодро — легко, запрокинув голову и качая бедрами.

«Он под опиумом, — подумал Нью-Ланг. — Силы иссякли, и ему приходится поддерживать их искусственно. Дядя Чанг Минг-Тьен умер от передозировки опиумом. Бедные курят, потому что задыхаются в нищете, а богатые — потому что задыхаются в роскоши. Дядя Минг-Тьен меня очень любил. Он